Фёдор Марьясов: «Росатом я называю Корпорацией Ада»

Он больше известен как специалист по психическим технологиям, конспиролог и пропагандист древней истории края. Однако красный диплом Томского политеха (кафедра промышленно-медицинской электроники) позволяет ему трогать не только «потусторонние темы». Последний год бывший сотрудник «СГ-26» доблестно сражается на ниве «атомной тематики» в краевом центре. Дошла очередь и до Железногорска. Фёдор МАРЬЯСОВ сегодня гость нашей рубрики.

– Фёдор, что за войну ты развернул в Красноярске против Росатома и ГХК?

– Никакой войны нет. Просто я пытаюсь донести людям информацию о том, что на самом деле происходит на ГХК. Какие проекты они собираются внедрять на территории ЗАТО. Ещё несколько лет назад я искренне считал, что выступать против такого «монстра» не хватит ни сил, ни здоровья, но глядя на то, какие необратимые процессы разворачиваются, решил, что хватит сидеть и просто наблюдать. Если в наших силах сейчас эти процессы остановить или, по крайней мере, взять под общественный контроль, то это надо делать. Когда в крае стала разворачиваться ситуация со строительством завода ферросплавов, я связался с «Зелёной лигой», написал им, что десять ферросплавных заводов ничто по сравнению с тем, какие проекты реализуются под боком у красноярцев, в Железногорске. Они заинтересовались, мне удалось их убедить поднять антиядерное знамя.

– И какие проекты ГХК тебя так напрягли?

– Вот! Даже ты, главный редактор независимой газеты, не знаешь, что творится у тебя под носом. Я хочу сказать, что и 99% жителей Красноярска, а так же подавляющее большинство наших горожан и работников комбината не имеют чёткого представления о том, что на самом деле происходит. И даже «зелёные» не владеют полной информацией. Все их выступления сводятся к хранилищу ОЯТ, но это цветочки по сравнению с тем, на что атомщики замахнулись сейчас. Из «интеллектуальной сборной страны» мы постепенно превращаемся в международную ядерную помойку.

– Проснулся! Мы ею являемся уже 60 лет.

– Да, город был построен для создания ядерного щита страны – наработки оружейного плутония. И каждый житель города это понимал. А сегодня одной из первоочерёдных задач Росатома является утилизация 34 тонн оружейного плутония. Два поколения советских людей трудились, положили свои жизни, чтобы наработать этот материал. А атомщики решили его «слить». Я считаю, что утилизация плутония не просто угрожает стратегическим интересам России – это стыд и позор.

– А куда его девать столько?

– Оставить в покое и не трогать. У него период полураспада 24 тысячи лет, с ним ничего не сделается. Оружейный плутоний создавал Советский Союз, это наследие наших родителей. Не мы его нарабатывали, не нам его уничтожать. Его себестоимость, знаешь, какая? Ориентировочно три с половиной триллиона долларов! И ещё понадобится 2,5 миллиарда, чтобы перевести его в мокс-топливо. Я считаю, что это предательство национальных интересов. И за это когда-нибудь придётся отвечать, вопрос времени. Пятьсот тонн оружейного урана мы уже похерили и отправили на благо американской экономики (на его производство СССР потратил ориентировочно восемь триллионов долларов!), осталось избавиться от оружейного плутония, а потом сидеть и ждать, когда нам устроят вариант «а ля Сирия». Я уже даже не говорю про защиту от угрожающих Земле астероидов. Заклинаниями, что ли, будем менять их траекторию?

– Ты говорил про несколько проектов.

– Первый проект – это конверсия: вывод из эксплуатации мощностей, которые обеспечивали наработку оружейного плутония. Ликвидация наследия холодной войны. Уже прошли общественные слушания по поводу утилизации боевых реакторов по месту их расположения.

Второй проект – строительство опытно-демонстрационного центра (ОДЦ). Его задача – разработать технологии для будущего завода РТ-2 по переработке ОЯТ, которое хранится в «сухом» хранилище и в «мокром» на ИХЗ. Третий проект – мокс-производство. Я считаю, что мокс-производство – это просто декорация. Ну нет сегодня реакторов под это топливо! Строят один, на Белоярской АЭС, которым все уши прожужжали. Это проект начала 1980-х, я его называю «подарок Брежневу». Если сравнивать мокс-производство на ГХК с аналогичным комплексом в Саванна-Ривер (США), то становится очевидным, что главная задача этого проекта – утилизация оружейного плутония. Всё остальное – сказки для бедных. На волне развала СССР американцы «уговорили» наше правительство утилизировать по 500 тонн оружейного урана и по 34 тонны оружейного плутония. Под это всё и делается. А нам всем рассказывают про какую-то «энергию будущего».

И четвертый проект – это строительство «ядерного могильника», в котором будут хоронить РАО, полученные от переработки ОЯТ и накопленные за всю атомную эру на предприятиях Росатома. К нам повезут радиоактивные материалы с СХЗ из Томска-7, с «Маяка» из Челябинска-40 и так далее.

– А почему именно к нам?

– А потому что в Росатоме посчитали, что наш город – это самое подходящее место под ядерную свалку. К слову, в США подобный могильник планируют построить в гористой пустыне, вдали от населённых пунктов.

– В Европе, я слышала, тоже в жилых кварталах строят.

– Что ты сравниваешь! У них там детская песочница по сравнению с нами. Мне тут один умник из Росатома пытался доказать, что на Ленинградской АЭС много ядерных объектов и там тоже проводятся изыскания по строительству ядерного могильника. На что я ему ответил, что, во-первых, там против строительства могильника выступили депутаты и даже губернатор Ленинградской области, а, во-вторых, сравнивать их объёмы с нашими – всё равно, что сравнивать трёхколёсный велосипед с БЕЛАЗом. У нас с 2022 года планируется приступить к строительству РТ-2, который должен будет перемалывать ОЯТ, накопленный на всех атомных станциях российского производства. При этом к 2030-му году Росатом планирует в 2,5 раза увеличить энергетические мощности на российских станциях. Это значит, что и количество ОЯТ, помимо уже имеющегося, тоже увеличится. Куда его повезут? В Железногорск. Мало того, Росатом хвастается, что до 2030 года планирует построить 21 энергетический блок в 15-ти странах мира. Это Китай, Вьетнам, Индия, Турция, Аргентина, Иран, Армения, Венгрия, Чехия, Бангладеш, Белоруссия и ещё ряд стран. По международным правилам, та страна, которая поставляет ядерное топливо на какую-либо атомную станцию, обязуется забирать его обратно. Задаю вопрос: а куда это-то повезут? Ну ясно куда – в «ядерный Рим», так теперь будет выглядеть точка на карте поставок ОЯТ и РАО к месту переработки и захоронения. Такое вот «светлое будущее» уготовили железногорцам. Именно поэтому ускоренными темпами было расширено «мокрое» хранилище, построена первая очередь «сухого», строится ещё одна, лоббируется тема «могильника», строительства ОДЦ и РТ-2.

– А что ты хочешь, мы территория Росатома.

– Ты забудь это дурацкое выражение! Речь идёт уже об очень серьёзных вещах. Красноярский край и Железногорск превратили в колониальный придаток. С нами обращаются как с папуасами. Вот вам зеркальце и стеклянные бусы, а взамен несите меха. На сегодня оборот Росатома составляет 15 миллиардов долларов в год, к 2030-му году планируется достичь 75 миллиардов. Чувствуешь цифру? А теперь посмотри на наши дороги, на то, как мы живём. Так что по факту более актуальным является выражение «Росатом – бизнес и ничего личного». Нет тут никакой заботы о стране и её стратегических интересах. Раньше город был щитом страны, а теперь его хотят превратить в отхожее место и колонию. Вот поэтому я и называю Росатом «Корпорацией Ада», глядя на те принципы, которыми он руководствуется и к какому будущему нас толкает. Тебе любой деревенский мужик скажет, что все яйца в одну корзину не складывают. А они что делают? Мало того, что здесь, под Железногорском, концентрируется беспрецедентное количество ОЯТ, теперь ещё будет и «могильник», куда будут захоранивать не только те радиоактивные материалы, которые были накоплены в процессе эксплуатации боевых реакторов подземного производства ГХК, но и те, что будут получены при переработке ОЯТ. И здесь же будут хоронить РАО с других предприятий. Причём не просто радиоактивные (всем известно, что часть РАО «Маяк» просто сливал в реку), а «горячие» долгоживущие отходы, у которых удельное тепловыделение составляет до киловатта с одного кубического метра. Иными словами: раздайте по бочке радиоактивных отходов жителям Железногорска и не нужно отопление. Это такой чёрный юмор. «Могильник» должен гарантировать безопасную изоляцию РАО в течение нескольких миллионов лет. Повторю: МИЛЛИОНОВ. Это вечный «могильник». И находиться он будет в 4,5 километрах от Енисея, и в 6 км от Железногорска – на промплощадке ГХК.

– А ты уверен, что у тебя точные сведения?

– На сегодняшний момент – да. Хотя сначала Радиевый институт одобрил площадку со стороны КПП-3А и КПП-2, в ущелье, в 15 км от города и в 30 км от Енисея. Но ты же видишь, они переигрывают постоянно. Мы считали, что и та площадка, за КПП-3А – это безумие, но, как говорится, нет предела

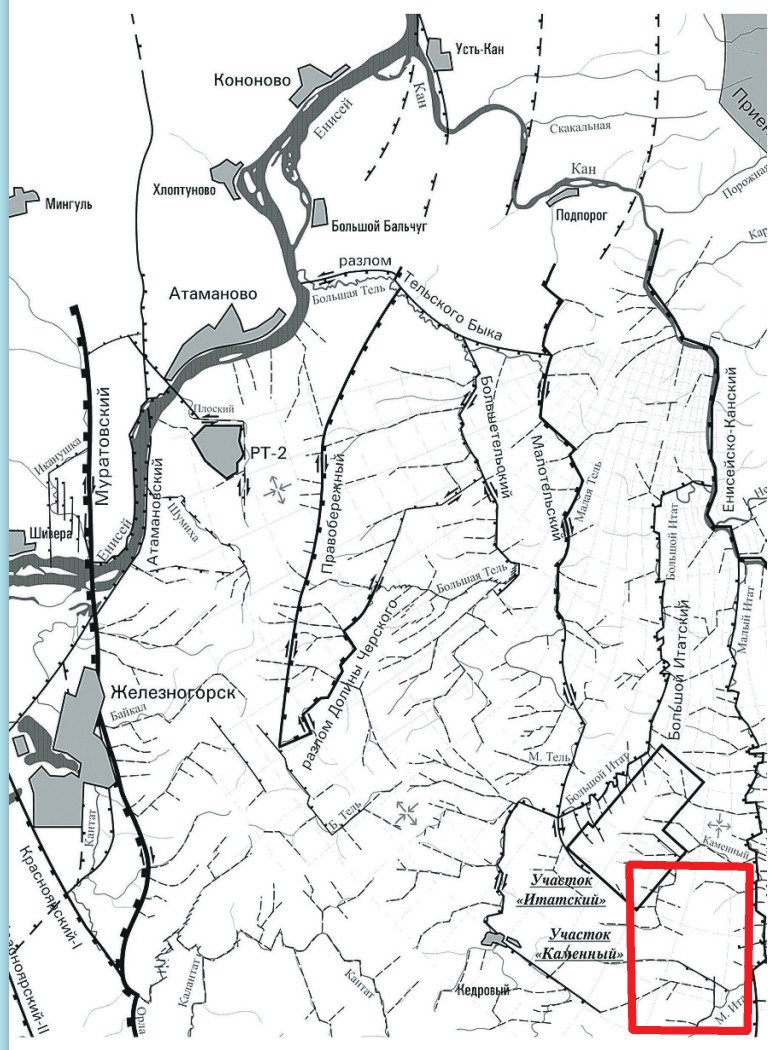

Рис. 6. Система разломов Енисейско-Канского междуречья по Н. В. Лукиной (ГИН РАН).

человеческой наглости и подлости. Судя по всему, посчитали, что 30 километров транспортировки РАО до будущего «могильника» – это слишком далеко и непростительно дорого. Поэтому в Росатоме решили ещё больше оптимизировать свои расходы на логистику и подыскать площадку поближе. И ОАО «Красноярскгеология» буквально за два года решила эту задачу – нашли подходящее место прямо на обочине бетонной дороги. Двадцать лет вести поиски подходящей площадки и неожиданно найти её буквально под носом – это просто сказочное везение. Теперь от будущего могильника до ИХЗ – места приема ОЯТ и РАО с других предприятий РФ – рукой подать, всего 4 километра. По проекту планируется даже ж/д дорогу подвести – объёмы предстоящих поставок РАО недетские, устанешь на автотрейлерах перевозить.

– Фёдор, ты с чего взял, что «могильник» будет? Я не помню таких решений. Слушаний ещё не было.

– Это в твоей газете не было. Слушания по строительству первой очереди ядерного «могильника», подземного пункта окончательной изоляции радиоактивных материалов были проведены в Железногорске 30 июля 2012 года.

– Это были слушания по строительству лаборатории по изучению Нижне-Канского гранитоидного массива.

– Со мной тоже первое время пытались спорить, что это «другое» – мол, просто лаборатория, которая поизучает, да перестанет, если что не так будет. Поднимите документы, посмотрите внимательно отчёты Радиевого института, потом оценку воздействия на окружающую среду (ОВОС) – там чётко говорится, что это первая очередь пункта подземной изоляции и задача лаборатории найти инженерные решения, обеспечивающие гарантированную изоляцию. Если там будут трещины – замажут, если будет фильтрация воды выше расчётной, значит, будут искать инженерное решение, как этот вопрос решить. Но никто не будет строить лабораторию и потом от неё отказываться. Это может произойти только в двух случаях: если произойдёт какая-либо техногенная катастрофа и будет просто не до «могильника», или если развернутся масштабные общественные протестные акции, как, например, против завода ферросплавов.

– Так уже везде говорят, что акция против завода ферросплавов – это был пиар-ход на выборах в ЗС и Госдуму. Сейчас тоже выборы в городской Совет на носу в Красноярске, ты на кого работаешь?

– Я сам по себе. Ни в каких партиях не состою, ни на какие выборы не иду. Я обычный житель, гражданин РФ. Если хочешь – патриот страны, территории, на которой живу. «Могильник» собираются строить в шести километрах от моего дома, и почему я должен молчать? Росатом – хоть и госкорпорация, но по сути, коммерческая структура, крутит такие деньги, а что мы имеем? Мы за коммунальные услуги платим в два раза больше, чем в Красноярске. У нас нет денег на уборку мусора на улицах, на строительство хосписа, на хорошее медицинское оборудование. У нас дороги, как после бомбёжки, у автобусов на ходу отваливаются колёса! Не на что обновить транспорт ПАТП, не на что ремонтировать школы. Хотите перерабатывать здесь ОЯТ – платите деньги жителям края, страхуйте, в конце концов. На Саяно-Шушенской ГЭС застрахованы на случай аварии, а ядерный объект – нет, по документам он классифицируется как объект опасности наравне с обычной шахтой по добыче железной руды. Пусть дают жителям преференции. А что касается могильника – стройте его в таком месте, где любые непредвиденные факторы, например, его подрыв не приведут к непоправимым последствиям.

– Какой ещё подрыв?

– А ты поинтересуйся, какие учитываются риски для этого «могильника»? С точки зрения экологической безопасности мне трудно спорить – я не специалист, да и у меня нет оснований не доверять учёным и специалистам-ядерщикам. Вопрос в другом. Почему в той же Швеции маленький «могильничек» строят на изолированном острове в Балтийском море в туннеле на большой глубине? В Америке, как я уже сказал, в пустыне. Почему никому не приходит в голову строить объект такого уровня, с такой гигантской суммарной радиоактивностью под боком у крупного города? Ответ лежит на поверхности. Потому что там исходят из здравого смысла. Мы не всё, во-первых, знаем об окружающем мире. Челябинский метеорит нам прекрасно продемонстрировал, что может быть, когда 500 килотонн взрывается над городом. А если такой упадёт здесь? В отчёте Радиевого института по этому «могильнику», но на другой площадке, прямо говорится, что в случае наступления непредвиденных обстоятельств последствия могут быть катастрофическими. Катастрофическими! Это не я придумал, это говорят кураторы этого проекта. Например, про возможное падение метеорита учёные в своём отчёте пишут, что «могильник» может быть не просто повреждён, а вскрыт. Ничего подобного в документах ОВОС, за которые проголосовали на слушаниях, нет и в помине. Непредвиденными обстоятельствами может быть всё, что угодно. Например, террористический акт. Ведь надо же отдавать себе отчёт в том, что мы закладываем «вечную» ядерную мину под бок миллионному городу – вблизи одного из ведущих промышленных центров страны. В случае любой заварушки противник будет долбить именно по «могильнику». Вспомни, как было в Югославии.

Но авторы ОВОС ограничились рассмотрением лишь случайного падения самолёта с полупустыми баками и терактом со ста килограммами тротила. Детский сад какой-то. И это когда у всего мира на глазах самолёты таранили Пентагон и Всемирный Торговый Центр в Нью-Йорке… А про падение метеорита в документах ОВОС вообще ни слова. Я даже не говорю про то, что в «могильник» под видом пеналов с РАО можно скрытно доставить взрывное ядерное устройство… Такое ощущение, что схему захоронения словно специально придумали под эту возможность. На днях я направил обращение в соответствующие федеральные структуры, чтобы они разобрались с этим вопросом. Помимо этих рисков есть и другие. Например, Пентагон две недели назад отчитался о полной готовности глубинной супербомбы: это 15-тонная бомба с точным наведением, при помощи которой американцы планируют разрушить подземный ядерный комплекс в Иране. Израиль эту бомбу настойчиво просит.

– Ты сейчас нафантазируешь!

– Откуда мы знаем, что может быть завтра, тем более на таких длительных временных интервалах! Ещё тридцать лет назад мы были второй супердержавой мира, кто мог предположить, что страна развалится? Если бы в то время кто-то сказал, что самолёты РСФСР будут бомбить города Чечено-Ингушской республики, а российские танки утюжить Грузию, мы бы все дружно крутили пальцем у виска. Откуда мы знаем, какие у нас будут отношения через пятнадцать лет с Дальним Востоком? Кто сегодня может дать гарантию хотя бы на год-два вперёд? А что будет через пятьдесят лет? А через сто? Именно поэтому я не устаю повторять: вблизи Железногорска и Красноярска условий для безопасного размещения объектов подобного рода нет. Мы не знаем, какая будет политическая картина мира, но при этом вонзаем в собственную землю, в территорию, на которой живём, ядовитое жало, которое будет представлять опасность в течение нескольких миллионов лет. Какое право мы имеем решать судьбу будущих поколений?

– А куда девать эти все отходы, по-твоему?

– Никто не спорит, «могильник» нужен. Многие страны, кто занимается атомной энергетикой, столкнулись с этой проблемой. Но строить его нужно там, где любые непредвиденные обстоятельства не приведут к катастрофическим последствиям.

– А ты почему на слушания не ходишь, не задаёшь вопросы, не выступаешь там?

– А потому что информационная служба ГХК работает очень хитро. Никто не знает, что за слушания проходят, когда и где. Всё завуалировано, зашифровано. Почему ни у тебя, ни в «Город и горожане» никакой информации я не нашёл о проведении этих слушаний? Давай выйдем на улицу и будем останавливать всех подряд и спрашивать про «могильник». И все тебе рукой покажут на ИХЗ, потому что для всех «могильник» – это хранилища ОЯТ. Мне непонятна такая пассивность населения и нежелание добраться до сути происходящего. У нас перед глазами есть отличный пример: 2004 год, Томск. Там ведь гораздо менее амбициозный проект был: просто создание мокс-производства. При этом томичам сразу говорилось, что отходы от мокс-производства повезут в Красноярск. То есть мы про это ещё ничего не знали, а томичам уже рассказывали. Но томичи возмутились. На защиту интересов той территории выступили средства массовой информации, городские депутаты, областная Дума. Создали специальную комиссию, пригласили независимых экспертов, провели круглые столы, за бюджетные деньги опубликовали специальный дайджест, где собрали все плюсы и минусы этого проекта. И решением депутатов этот проект зарубили. И тогда-то Росатом начал метаться между Красноярском и «Маяком». А комбинатовские пиарщики начали втюхивать нам про то, что «за проект переработки ОЯТ нужно ещё побороться, а то его заберут конкуренты». Только челябинская общественность перед такими перспективами, как только там узнали, тоже встала на дыбы. А теперь на наших глазах разворачиваются события на Ленинградской АЭС в городе Сосновый Бор. Депутаты Ленинградской области обратились к президенту с просьбой не строить ядерный «могильник» на территории Ленинградской области. А если строить, то захоранивать только те радиоактивные отходы, которые образовались в результате работы ЛАЭС. Наши же депутаты и региональные СМИ молчат как партизаны.

– Ты чего добиваешься?

– На сегодня в Железногорске начинаются процессы энтропии. Хаос нарастает. Город деградирует просто на глазах. Деградирует население, деградирует инфраструктура, денег у города всё меньше и меньше. Несмотря на торжественные заявления о кластерах, мы всё больше движемся в какое-то мрачное прошлое. Я хочу, чтобы Росатом перестал относиться к нам, как к колонии. Чтобы руководство города начало, наконец, уважать своих жителей, считаться с их мнением и отстаивать их интересы. Я не хочу, чтобы наш город стал «ядерным Римом», куда сойдутся дороги, по которым сюда повезут радиоактивные отходы со всех концов мира. Я хочу, чтобы Железногорск жил, чтобы мы гордились своим городом, чтобы ни у кого не было повода называть наш город «ядерной помойкой».

Беседовала Инна АКИМОВА.